

Н.Н. Наседкин

Достоевская Анна Григорьевна (1846–1918)

Достоевская (урожд. Сниткина) Анна Григорьевна, вторая жена писателя, мать Софьи, Федора, Любови и Алексея Достоевских. В семье своего отца, мелкого Петербургского чиновника Григория Ивановича Сниткина, Анна с детства зачитывалась произведениями Достоевского. И вот 4 октября 1866 в качестве слушательницы стенографических курсов она впервые пришла к любимому писателю, чтобы помочь ему всего за 26 дней написать роман «Игрок» и избежать кабалы издателя Стелловского. С того дня и до конца своей жизни она жила для него.

Сниткина была подарена Достоевскому судьбою (при посредничестве Стелловского!) за все его прежние и еще грядущие горести, лишения, испытания, болезни и страдания. Благодаря ей, свои последние и самые плодотворные четырнадцать лет жизни Достоевский прожил по-человечески счастливо — любовь, ласка, внимание, забота, терпение и понимание со стороны юной супруги компенсировали вечному страдальцу и больному гению все тяготы бытия. Недаром Л. Толстой сказал однажды не без оттенка зависти: «Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского...».

Подробности объяснения в любви и предложения руки и сердца двадцатилетней «стенографке» со стороны автора «Игрока» хорошо известны из ее «Воспоминаний». 30 октября 1866, между прочим, в самый день рождения Достоевского (а исполнилось ему ровно 45) она преподнесла писателю лучший из подарков — последнюю переписанную стенограмму законченного романа. С одной стороны, безмерная радость автора (обязательства перед Стелловским выполнены!), с другой — грусть и тоска на сердце (милая «стенографка» исчезнет навсегда из его жизни!). Однако они уговариваются работать совместно и дальше — теперь уже над продолжением «Преступления и наказания». И вот 8 ноября 1866 Достоевский вдруг начинает рассказывать Анне Григорьевне сюжет как бы задуманного им нового романа и якобы никак ему не обойтись без консультации Анны Григорьевны по части девичьей психологии. По сюжету пожилой и больной художник должен делать предложение юной девушке, которую зовут Аней:

«Да и вообще, возможно ли, чтобы молодая девушка, столь различная по характеру и по летам, могла полюбить моего художника? <...>

— Почему же невозможно? Ведь если, как вы говорите, ваша Аня не пустая кокетка, а обладает хорошим, отзывчивым сердцем, почему бы ей не полюбить вашего художника? <...> Если она его любит, то и сама будет счастлива, и раскаиваться ей никогда не придется!

Я говорила горячо. Федор Михайлович смотрел на меня с волнением.

— И вы серьезно верите, что она могла бы полюбить его искренно и на всю жизнь?

Он помолчал, как бы колеблясь.

— Поставьте себя на минуту на ее место, — сказал он дрожащим голосом. — Представьте, что этот художник — я, что я признался вам в любви и просил быть моей женой. Скажите, что вы бы мне ответили?

Лицо Федора Михайловича выражало такое смущение, такую сердечную муку, что я наконец поняла, что это не просто литературный разговор и что я нанесу страшный удар его самолюбию и гордости, если дам уклончивый ответ. Я взглянула на столь дорогое мне, взволнованное лицо Федора Михайловича и сказала:

— Я бы вам ответила, что вас люблю и буду любить всю жизнь!...»

Юная Анна Григорьевна в семейной жизни проявила недюжинный характер: настояла на отъезде за границу, дабы хоть на время избавить мужа от кредиторов и многочисленных родственников, которым он бесконечно помогал, стойко переносила его ужасные припадки эпилепсии и не менее ужасающие «запойные» поездки в очередной Рултенбург, когда проигрывал он даже обручальные кольца, терпела довольно непростой

характер больного мужа и сцены ревности, какие он порой ей устраивал (впрочем, она и сама его ревновала к той же Аполлинии Сусловой), родила ему четверых детей (двое умерли в младенчестве) и, самое, может быть, главное — стала незаменимой помощницей как профессиональная стенографистка и впоследствии издательница.

Об их семейном счастье можно судить, в какой-то мере, по переписке (сохранились 164 письма Достоевского к Анне Григорьевне и 75 ее писем к мужу). Свидетельствует ОН:

«Тебя бесконечно любящий и в тебя бесконечно верующий <...> Ты мое будущее все — и надежда, и вера, и счастье, и блаженство, — все...» (9 дек. 1866 — Он еще жених.)

«...думаю о тебе поминутно. Анька, я тоскую о тебе мучительно! Днем перебираю в уме все твои хорошие качества и люблю тебя ужасно <...> Голубчик, я ни одной женщины не знаю равной тебе. <...> вечером и ложась спать (это между нами) думаю о тебе уже с мученьем, обнимаю тебя мысленно и целую в воображении всю (пони-маешь?). Да, Аня, к тоске моего уединения недоставало только этого мученья; должен жить без тебя и мучиться. Ты мне снишься обольстительно; видишь ли меня-то во сне? Аня, это очень серьезно в моем положении, если б это была шутка, я б тебе не писал. Ты <боясь> говорила, что я, пожалуй, пушусь за другими женщинами здесь за границей. Друг мой, я на опыте теперь изведаль, что и вообразить не могу другой, кроме тебя. Не надо мне совсем других, мне тебя надо, вот что я говорю себе каждодневно. <...>

Я тебя истинно люблю и молюсь за вас всех каждый день горячо...» (16/28/ июня 1874, Эмс. — 8,5 лет семейной жизни).

«Милый ангел мой, Аня: становлюсь на колени, молюсь тебе и целую твои ноги. Влюбленный в тебя муж твой! Друг ты мой, целые 10 лет я был в тебя влюблен и все crescendo и хоть и ссорился с тобой иногда, а все любил до смерти. Теперь все думаю, как тебя увижу и обниму...» (15–16 июля 1877 — почти 12 лет.)

«Крепко обнимаю тебя, моя Анька. Крепко целую тебя... Ты пишешь, что видишь сны, а что я тебя не люблю. А я все вижу прескверные сны, кошмары, каждую ночь о том, что ты мне изменяешь с другими. Ей-Богу. Страшно мучаюсь. Целую тебя тысячу раз...» (3–4 июня 1880, Москва — одно из самых последних посланий Достоевского к жене).

Письма Анны Григорьевны к мужу, в силу ее характера, может быть, менее пылки, но и в них среди сухих домашне-хозяйственных известий и обыденно-бытовых забот о делах и здоровье мужа можно отыскать немало строк проявления сильных любовных чувств:

«Целую милого Фечту [младшего сына Федю] миллионы раз. Ты не поверишь, как мне без него скучно. <...> Я и тебя, милый Федя, очень, очень люблю и скучаю по тебе, вероятно, более, чем ты по мне...» (10 июня 1872).

«Я решила тотчас отправить телеграмму и спросить, лучше ли тебе, и если не лучше, то хотела выехать завтра в Петербург. Я живо собралась, но только что вышла в переднюю, как вошел посланный с телеграммой. Я так была болезненно настроена, что, увидав телеграмму, просто сошла с ума; я страшно закричала, заплакала, вырвала телеграмму и стала рвать пакет, но руки дрожали, и я боялась прочесть что-нибудь ужасное, но только плакала и громко кричала. На мой крик прибежал хозяин и вместе с телеграфистом стали меня успокаивать. Наконец, я прочла и безумно обрадовалась, так что долго плакала и смеялась. Так как я об тебе беспокоилась, то при виде телеграммы мне представилось, или что ты очень плох, или даже умер. Когда я держала телеграмму, то мне казалось, если я прочту, что ты умер, — я с ума сойду. Нет, милый Федя, если бы ты видел мой ужасный испуг, ты не стал бы сомневаться в моей любви. Не приходят в такое отчаяние, если мало любят человека...» (16 авг. 1873).

«Милый, милый, тысячу раз милый Федичта, мне без тебя тоже *очень, очень* скучно. Я очень мечтаю о твоём приезде и рада, что теперь тебе осталось лечиться меньше трех недель. Твои письма я часто перечитываю и всегда жалею, что нет еще третьего листа. Каждую ночь я непременно около часу ночи просыпаюсь от сна, в котором видела тебя, и лежу с полчаса, все тебя себе представляю.

Дорогой ты мой, я тебя очень сильно люблю, ценю тебя и уважаю; я знаю, что ни с кем я не была бы так счастлива, как с тобою; знаю, что ты лучший в мире человек. До свидания, мое милое сокровище, целую и обнимаю тебя много раз, остаюсь любящая тебя страстно жена Аня...» (22 июня 1874).

«Спасибо тебе, мое золотое сокровище, за твои милые, дорогие письма. Радуют они меня несказанно. Люблю тебя я, дорогой мой, безумно и очень виню себя за то, что у нас идет иногда шероховато. А все нервы, все они виноваты. Тебя же я люблю без памяти, вечно тебя представляю и ужасно горжусь. Мне все

кажется, что все-то мне завидуют, и это, может быть, так и есть. Не умею я высказать только, что у меня на душе, и очень жалею об этом. А ты меня люби, смотри же, голубчик мой, люби. Цалую и обнимаю тебя горячо и остаюсь любящая тебя чрезвычайно Аня.

Все вижу восхитительные сны, но боюсь их рассказывать тебе, а то ты Бог знает что пишешь, а вдруг кто читает, каково?..» (11 августа 1879 — 12,5 лет супружеской жизни).

«Дорогой мой папочка, получила я твое письмо с “Милой Анной Григорьевной” и была на тебя страх как недовольна: подумай, я писала тебе “милый Федор Михайлович”, боясь, что письмо мое попадет в чужие руки, а ты этого оправдания не имеешь. Вообще же, мой дорогой, я замечаю из твоих писем явную ко мне холодность. Но довольно о чувствах, а то ты рассердишься...

<...> Ну до свиданья, мое золотое сокровище, но признайся, что ты без меня не можешь жить, а? Я так признаюсь, что не могу и что нахожусь, увы! под сильным твоим влиянием. Крепко обнимаю тебя и цалую тебя нежно-нежно и остаюсь любящая тебя Аня...» (31 мая 1880 — одно из самых последних писем жены к Достоевскому).

Через много лет после кончины мужа А.Г. Достоевская написала прекрасные и полные достоинства слова:

«Мне всю жизнь представлялось некоторого рода загадкой то обстоятельство, что мой добрый муж не только любил и уважал меня, как многие мужья любят и уважают своих жен, но почти преклонялся предо мною, как будто я была каким-то особенным существом, именно для него созданным, и это не только в первое время брака, но и во все остальные годы до самой его смерти. А ведь в действительности я не отличалась красотой, не обладала ни талантами, ни особенным умственным развитием, а образования была среднего (гимназического). И вот, несмотря на это, заслужила от такого умного и талантливого человека глубокое почитание и почти поклонение...»

Но любовь ее к мужу была не только безграничной, но и деятельной. После смерти Достоевского она выпустила 7 собраний его сочинений, активно помогала составителям книги «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского» (1883), выпустила «Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М. Достоевского» (1906), написала «Воспоминания» (1911–1916), работала над расшифровкой своего «Женевского дневника» 1867, готовила к изданию отдельной книгой письма Достоевского к ней.

Умерла Анна Григорьевна в Ялте в голодном военном 1918 году, а через 50 лет прах ее был перенесен в Александро-Невскую лавру и захоронен рядом с могилой мужа — как она и мечтала.

На первой странице самого своего великого романа-завещания «Братья Карамазовы» Достоевский кратко написал: «Посвящается Анне Григорьевне Достоевской». За полтора года до смерти, 6 января 1917, А.Г. Достоевская записывает в альбом композитора С. Прокофьева (автора оперы «Игрок») не менее кратко и также глубинно многозначно: «Солнце моей жизни — Федор Достоевский».

В год смерти Достоевского Анне Григорьевне исполнилось 35 лет. Говорят, на настойчивые вопросы, почему она вторично не выйдет замуж, она вполне шутливо отвечала: мол, а за кого же после Федора Михайловича можно выйти, если у Льва Толстого жена уже есть?..